

**Хаяте Сотоме
(Япония)**

**Дорога и контакт:
Хронотоп дороги в путевых заметках
А.С. Пушкина, Гр. Орбелиани, и И. Чавчавадзе**

*Летит и мчит меня мой конь, не ведая дорог,
А черный ворон мне во след все каркает злой рой!
Вперед, мой конь, твой галоп предела не знает,
И мрачные думы мои пусть ветер развекает!*

*Н. Бараташвили
«Мерани»*

1. Введение

Весной 2020 года инфекция коронавируса (COVID 19) буквально взорвалась и целенаправленно решила начать управление нашими жизнями, распространившись по всему миру. Волна инфекции, возможно, не закончится пока пишется эта статья. Результат пандемии и к чему приведет нас жизнь, мы не знаем.

Однако, человечество уже ни раз испытывало пандемии и эпидемии. Об этом можно узнать у поэтов и писателей. Мы хотели бы обратить наше внимание на эпидемию Чумы, которая произошла на Кавказе в первую половину XIX века. Рассмотреть и проанализировать как поэты и писатели рассуждали об этом, что испытывали и записывали в текстах, путешествуя по Кавказу. Безусловно, важно отметить тот факт, что медицина в то время была достаточно не развита, как на сегодняшнее время, однако, несмотря на временные рамки, понятия страха, суеверия, дискриминации можно отметить и в какой-то мере в нынешней реалии.

В этой статье мы рассмотрим путевые записки А.С. Пушкина (1799-1837) – представителя русской литературной классики и Гр. Орбелиани (1804-1883) – представителя грузинской литературной классики. Интересно то, что оба поэта почти одновременно путешествовали по Кавказу и оставили свои впечатления об этом в записках, о которых мы расскажем ниже. Здесь, мы

можем с любопытством проследивать нить мыслей классиков литературы с точки зрения двух стран: России и Грузии, которые находились в условиях империалистической экспансии и господства Российской империи.

Объектом нашего интереса стал такой факт как «движение», подобно которому распространяется эпидемия. Поэтому здесь заострим внимание на понятии «дороги». А также отметим, какую функцию и значение несет этот факт, опираясь на теории М. Пратт и М.М. Бахтина, и какое место имеет в путевых заметках Пушкина и Орбелиани. Рассуждая о «дороге», вспоминается также параллель в повести «Записки проезжего» И. Чавчавадзе (1837-1907). Взяв за основу три эпизода: взгляд и рассуждения Пушкина, Орбелиани и Чавчавадзе, постараемся проследить параллели и контраст и построить диалог о значимости поэтической функции «дороги» в литературе XIX века.

2. Два путешествия

В 1829 году Пушкин путешествовал через Грузию в Арзрум, где был фронт Русско-турецкой войны, затем он опубликовал записки «Путешествие в Арзрум» (1836) в журнале «Современник». Поэт начал свое путешествие из Москвы 1 мая и прибыл в Тбилиси 27 мая, останавливаясь там около двух недель и затем продолжая путь до Арзрума прибыв 27 июня. Но, из-за начала чумы, поэту пришлось в скором времени покинуть Арзрум и вернуться в Москву.

По приезду в Арзрум поэт осмотрел дворец и гарем Османа-Паши, а также посетил народную баню, где как раз и узнал о чуме. В произведении «Путешествие в Арзрум» мы можем это наблюдать:

«Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако ж превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил

внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город» (Пушкин 1978: 474-475).

Столкновение Пушкина с чумой и его состояние, робость, ощущения описанные выше в цитате явно показывают отношение поэта в происходящему. В связи с этим у нас возникает подозрение, что поэт своей «европейской робостью» сравнивает противоположность «равнодушия» турков.

Спустя 2 года после путешествия по Кавказу Пушкина, грузинский поэт-романтик Григол Орбелиани записал детали своего путешествия из Грузии в Россию в дневнике «Мое путешествие из Тбилиси до Петербурга» (1831-1839). Маршрут поэта был построен так: из Тбилиси 9 июня, обращаясь к северу по Грузинской военной дороге. По прибытию 24 июня в Екатериноград, поэт записал свои мысли:

«24-ое. – мы прошли 12 верст и пришли в Екатериноград на карантин. У двери нас встречал один старый красноносый солдат с железными щипцами, которыми брал билеты от нас, приходящие из Грузии, и не приближался к нам для того, что нас не коснуться, боялся нас, потому что полагал нас холерными и чумными. – В щипцах больше не смог оставить много билетов, половина которых падали на землю, – красноносый подобрал билеты из земли голыми руками и опять располагал в самых щипцах и подтвердил закон и обычай карантина. Мы очень смеялись над его такой осторожностью» (ორბელიანი 2013: 110).

Оставаясь на карантине до 31 июня, а затем продолжая путешествие в Ставрополь, прибыв туда 5 июля, мы можем проследить параллель с ранее описанной встречей с чумой Пушкиным. «Красноносый солдат» Орбелиани тоже боялся чумы.

Сравнивая два эпизода, оказавшиеся достаточно близкими, хочется провести некую параллель и порассуждать. В произведении «Путешествие в Арзрум» поэт боялся чумы и принимая такие меры, как уклонение от «контакта» с больными. Безусловно, такое поведение кажется вполне естественным, но несмотря на это, прослеживается и понятие стыда. Считая такое поведение поэта «европейской робостью», как сам написал Пушкин, то поведение турков можно соразмерить с «азиатской храбростью», таким образом уйдя в противоположность. Последнее же, считается позитивным и правильным, но подчеркивая обратную сторону, что такая «храбрость» или «равнодушие» все равно влечет к тому, что эпидемия не останавливается, а значит, что ведет к негативной точке зрения. Яркий пример – это записки «Мое путешествие» Орбелиани. «Красноносый солдат» отчетливо уклонялся от «контакта» с «нами», потому что «полагал нас холерными и чумными». Проявление дискриминации с точки зрения солдата явно выражено в неприятии ситуации, отрицании

происходящего. С другой стороны, можно отметить что у поэта проявление «осторожности», как сказано выше «европейской робости», является возможно ключевой линией сюжета произведения.

Интересно, что в эпизодах чумы, нарисованных в двух путевых записках, рассматриваются такие географические схемы, как «Россия – Грузия и Турция», или если рассуждать шире, то «Европа – Азия». Можно сказать, что, при таких дихотомических пониманиях, в эпизодах – Пушкин уклоняется от «контакта» «с нищим и чумным»; называя свое отношение к ухаживающим туркам «европейской робостью»; а в своих записках Орбелиани показывает, что русский солдат тоже уклоняется от «контакта» с ним – прослеживается стереотипизация того, что Азия являлась в образе многих европейцев как бы нечистой. Поэтому, здесь понятие «азиатского равнодушия» и распространение чумы формирует представление «Ориента». Однако, на дискуссии ориентализма проявляется как негативная, так и позитивная сторона; в контексте русской литературы, последнее понимание Ориента и Азии отчасти представляет азиатскую идентичность России. «Русское понимание азиатских корней не поддается постоянной репрессии <...>. [Р]усские превратили кавказские племена в убажывающие их [достоинство] смыслы о собственной бесспорной культурной и интеллектуальной отсталости по сравнению Западом» (Layton 1994:288).

Безусловно, высказанное выше нами мнение, может быть слишком сухим и схематичным. Однако, наше внимание было заострено на столкновении «контакта» местных с приезжими, (т. е. среди русских, грузинов и турков, или рассуждая шире – европейцев и азиатов). В повседневности, такой контакт происходит постоянно, однако раскрытие культурного кода азиатов и европейцев, проявляемого в ситуации эпидемии, более ярко показывает данный контекст интересующей нас проблеме.

3. Дорога

«Контакт» в обеих заметках, в первую очередь означает физический контакт, который приводит к распространению болезни. Однако, о нефизическом, культурном контакте также хочется заострить внимание.

К примеру, литературовед Мэри Пратт заметила, что в путевых заметках часто были описаны такие случаи, когда один культурный код (взаимодействия с главным героем путешествующим в это время) вступает в контакт с другим культурным кодом, взаимодействием и «контактной зоной» (“contact zone”) –

<...> которую я использую упомянуть о пространстве имперской встречи, пространство, где географически и исторически отделенные люди вступа-

ют в контакт друг с другом и устанавливают постоянные отношения, обычно включая условия принуждения, радикального неравенства и неподатливого конфликта (Pratt 2008: 8).

Как мы уже отметили, в двух путевых записках направление движения героев идет в обратную сторону: в «Путешествии в Арзрум» Пушкин идет из центра на окраину, а Орбелиани – из окраины в центр, Петербург (и далее, в Новгород), но в обоих путешествиях действительно вырисовывается «контактная зона» и «имперская встреча». Давайте понаблюдаем над этим далее. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин имел контакты с многими местными людьми, между которыми в исследованиях часто упоминают эпизод с калмыцкой девушкой. В отличие других романтических поэм «Кавказский пленник» и «Калмычке», здесь калмычка нарисована не таким персонажем, которая предлагает поэту эротический и экзотический опыт, а таким, между которой и ним «в конце концов нет общего знаменателя сексуальности, чтобы перебросить мост через препятствие языка, пищи, и по-другому выраженных гендерных ролей» (Greenleaf 1994: 142). Как Усэн указывает, эпизоды и «калмычки», и грузина, который перенесет тело Грибоедова, против романтического укрощения, реалистически выражает «транскультурную» (“trans-cultural”) «имперскую встречу» (Ussen 2020:101–105). Они имеют контакт одновременно и физический и культурный. Это очевидно выражено в тексте по причине эпидемии. Пушкин и Орбелиани, с позиции и русского и грузина, видели эпидемию чумы и один Кавказ, который записали в путевых дневниках. Таким образом, Кавказ не только географическое место, но и как некое текстовое пространство, единое контактной зоной.

Одно из пространств, где происходит, по словам Пратта, «имперская встреча», Бахтин в «Формы времени и хронотопа в романе» указывает хронотопа «дороги»:

Встречи в романе обычно происходят на «дороге». «Дорога» – преимущественное место случайных встреч. На дороге («большой дороге») пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть Любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Это точка завязывания и место совершения событий. Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги), отсюда и такая богатая метафоризация пути-дороги: «жизненный путь», «вступить на новую

дорогу», «исторический путь», и проч.; метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени (Бахтин 1975: 392).

Таким образом, для Бахтина дорога представляется хронотопом, в котором люди разных социальных сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей и возрастов встречаются друг друга. Интересно, что ученый думает, что «контакт» тоже играет равную роль с встречей не только в литературном тексте, но и в реальной жизни:

Мотив встречи – один из самых универсальных не только в литературе (трудно найти произведение, где бы вовсе не было этого мотива), но и в других областях культуры, а также и в различных сферах общественной жизни и быта. В научной и технической области, где господствует чисто понятийное мышление, мотивов как таковых нет, но некоторым эквивалентом (до известной степени) мотива встречи является понятие контакта (Бахтин 1975: 248).

Поэтому, можно рассуждать, что контактная зона, а также хронотоп дороги представлены таким пространством, в котором происходит и (имперская) «встреча» и «контакт», а разница между ними та, что хронотоп по его определению включает течение времени в литературных произведениях; «нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» (Бахтин 1975: 235).

Но почему важно для нас понятие дороги? Потому что, Российская империя, в отличие от западных империй, которые имели колонии за морем, завоевала примыкающие территории и соединила центр империи с окраинами самой «дорогой». Другими словами, ту функцию, которую исполняло заморское пространство в литературе других империй (особенно в жанре колониальной литературе), в литературе в Российской империи исполняла дорога. «дорога проходит по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире» (Бахтин 1975: 393). В произведениях жанра путевых записок, как и здесь рассматриваемые «Путешествие в Арзрум» Пушкина и «Мое путешествие» Орбелиани, а также «Герой нашего времени» Лермонтова например, выражены случаи на (Грузинской военной) дороге. По мнению Меркуловой, «в путевых заметках самым важным для Александра Сергеевича становится сама дорога, при этом окружающая природа, встреченные люди, неожиданности и опасности – это те составляющие, благодаря которым наиболее полно раскрывается образ дороги» (Меркулова 2007: 79).

«Дорога проходит по своей родной стране», – здесь стоит обратить внимание на то, какими словами пишет Бахтин, рассуждая о пути и построении пространства. В произведении «Путешествие в Арзрум» Пушкин переходил через границу между Россией, Грузией, Арменией и Турцией, хотя должным образом, такие границы стоит считать внутренними:

Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай», – сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России (Пушкин 1978: 454).

Турецкий берег был завоеван, в следствии с этим, Пушкин не смог перейти за границу Российской империи, о чем написано в цитате. Также, японский литературовед Норимацу, соглашаясь и принимая мнение У. Тодда, прослеживает параллель между этой административной границей с границей текстового пространства русской литературы. Однако, исследователь рассуждает, что Пушкин одновременно показывает «субъективность» границы, выражая нерусское пространство вне русской культуры:

«Пушкин пытался не столько выйти из Кавказа как «внутренней колонии» русской культуры, сколько показать его субъективно воспринимаемую замкнутость. Граница пространства русской культуры расширяется с территорией империи, но это не более чем воображаемая граница, которая существует только в головах носителей культуры. Подвижность границы «России» может способствовать осознанию ее воображаемого характера, привлекая внимание к искусственности границы: она создается не природой, а людьми. Хотя Пушкин сам не может выйти из этой «России», он указывает на существование людей, живущих вне нее (турки, которые не понимают русского языка). Следовательно, когда Пушкин на берегу Арпачая называет пространство России «необъятным», это не значит, что граница «России» неопределенна или размыта. Различие «внутреннее» vs. «внешнее» переосмысливается у него таким образом, чтобы стала понятна субъективность границы» (Норимацу 2012: 296-297).

По его мнению, граница в «Путешествии в Арзрум» движется по субъективному восприятию «России». То, что важно для наших рассуждений – та точка зрения, что хронотоп дороги – это пространство, где происходит встречи и с «внутренним», и с «внешним». Рассуждая, что здесь различие и граница между «внутренним» и «внешним» субъективны. Как Бахтин указывает, хронотоп дороги не отделен страны морем как «чужой мир», а такое пространство, где изменение народов и языков постепенно происходит (поэтому Бахтин уверенно пишет, что хронотоп дороги проходит на «родной» –

одним словом и внутренней, которая показана пространством.¹ В Пушкинском дневнике, в процессе постепенного расширения имперской территории и границы, поэт не мог перешагнуть и административную границу и границу текстового пространства.

Так и Пушкин сетовал о том, что не мог перейти через границу, а Орбелиани размышлял о том, что надо перейти через границу: «На этой высочайшей горе, у креста, где кончается граница Грузии, наливаю стакан последнего вина, вам тоста, друзья! И с вами здороваюсь, может быть навсегда. – прощайте! Пойду и отдамся в тумане этой непрерывной деревни» (ორბელიანი 2013: 105). Сентиментальный поэт перед долгой дорогой решил увековечить свой путь, переступил на Российскую границу и встретил «красноносого солдата». Но, конечно, это лишь аллегория того, что грузинский поэт перешел через границу и встретил русского иностранного солдата, и оказался в «чужом мире». Действительно, для Орбелиани Россия не была такой чужою. Как и в случае Пушкина, здесь тоже граница остается внутренней границей Российской империи.

Однако, для Орбелиани, который был в России в Новгороде и там же ему довелось служить в армии не покидали мысли о том, что может быть он не сможет вернуться в Грузию, перешагнуть через границу. Впрочем, рассуждая со стороны психологии, культурное и символическое ощущение границы имеет более весомое значение, нежели географическое. Здесь «граница» водораздел и географический, и культурный, и жизненный, и образует перекресток с дорогой, которая его пересечет. Обращаясь снова к Бахтину, его фольклорная дорога – метафора жизни:

Для романа прежде всего характерно слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, то есть со странствованиями. Здесь дается реализация метафоры «жизненный путь». Самый путь пролегает по родной, знакомой стране, в которой нет нечего экзотического, чуждого и чужого. Создается своеобразный романский хронотоп, сыгравший громадную роль в истории этого жанра. Основа его – фольклорная. Реализация метафоры жизненного пути в разных вариациях играет большую роль во всех видах фольклора. Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути; перекресток – всегда поворотный пункт жизни фольклорного человека. Выход

¹ Бахтин отмечает: «Этой особенностью «дороги» перечисленные романские разновидности от другой линии романа странствований, представленной такими разновидностями романа, как античный роман путешествий, греческий софистический роман <...>, романа барокко XVII века. Аналогичную горюге функцию в этих романах несет «чужой мир», отделенный страны морем и далью» (Бахтин 1975: 394).

из родного дома на дороги с возвращением на родину – обычно в о з р а с - т н ы е этапы жизни (выходит юноша, возвращается муж); дорожные приметы – приметы судьбы и проч. Поэтому романский хронотоп дороги так конкретен, органичен, так глубоко проникнут фольклорными мотивами» (Бахтин 1975: 271).

Таким образом, Орбелиани, останавливаясь и колеблясь на перекрестке границ, наконец делает шаг вперед, и эта функция дороги как метафоры жизни различает хронотоп в «Моем путешествии» Орбелиани от «Путешествия в Арзрум».

4. Дорога по возвращению в Грузию

Грузинский писатель и лидер тогдашнего национально-освободительного движения Илья Чавчавадзе написал «Записки путника: от Владикавказа до Тбилиси» (1861-1871). Эта одна из лучших прозаических повестей жанра путевых заметок, составленная из восьми глав, повествуемая от первого лица. В путешествии он размышляет, что надо делать после возвращения из России в Грузию. Поэтому, как Американский антрополог П. Манинг считает «путевыми заметками и литературным манифестом» (Manning 2012: 29), передвижение повествователя на дороге в тексте – «выбор жизненного пути» и является тем сюжетом, что «я» с университетским образованием, получившем в России, где на дороге встречает русского ямщика, русского пьяного офицера и француза, и с иронией критикует империалистическую идеологию России, напоследок встречая грузинского бедного крестьянина Лерт Гуния, «открывает снова свою родину» (Manning 2012: 39). Думая о спасении грузинского народа от господства Российской империи, означает лишь то, что дорога, на которой «я» переходил, сливается с дорогой жизни для Чавчавадзе. Орбелиани, перешагивая перекресток границы и водораздела, перешел в Россию, здесь же Чавчавадзе обратно переступает границу из России.

Более детально, упоминая это в первой главе явно выявлен акцент встречи с русским ямщиком и французом и в третьей с русским офицером; эти встречи людей разных национальностей и народностей. В первой главе описание сцены: «я» с ямщиком едут из Владикавказа и на них смотрит француз. В тексте образ ямщика выражен, как «дурацкая физиономия этого широкозадого возницы, его премерзкое обличье, ленивую поступь, схожую более с шагом погоняемых им одров, нежели человека» (ჭავჭავაძე 1937: 247; Чавчавадзе 1987: 332).¹ Также достаточно примечателен разговор между «я» и французом:

¹ Русский текст в цитатах из «Записок путника», перевод Бирюковой.

– Кто выдумал сей экипаж? – спросил он меня, показывая рукой на почтовую тройку, в которой, привалившись на облучок, дремал непроставшийся ямщик.

– Русские, – отвечал ему я.

– Думаю, никакой другой народ не станет его оспаривать. Мне, право, жаль вас. В нем вам разболтает мозли и растарясет брюхо!

– Нужды нет! На нем ездит вся Россия; бог даст, и мне ничего не сделается!

– Ездит, говорите?! Оттого так далеко и заехала! Ну, да... дай вам бог счастливой дороги. Сам я, признаюсь вам, не решился бы в нем ехать <...> (ჭავჭავაძე 1937: 247-248; Чавчавадзе 1987: 332).

В этом разговоре мы отмечаем, что француз смеется над (технической) отсталостью Российской империи. Саркастическое настроение француза также ярко выявлено в следующем эпизоде:

Повозка при моем на нее помещении качнулась и накренилась. Ямщик отверз глаза, сурово взглянул на меня, взялся за вожжи, цыкнул на вислоухих, отошавших с голодухи коней, и кнут его взвился. Лошади перебрали ногами, но с места не сдвинулись. Ну, чо-орт, трогай, што ли?! – крикнул ямщик, взмахнул вожжами и даже притопнул ногою. Лошади не повели, однако, ухом и на это его движение. Мой знакомец француз следил чрез окно за событиями и помирал со смеху. Чему, дурень, радовался?

– Ха-ха-ха! Ездит... – покатывался он. – И никто ведь ... не догонит... (ჭავჭავაძე 1937: 248; Чавчавадзе 1987: 333).

Таким образом, в первой главе повторяется схема, в которой француз смеется над отсталостью Российской империи.

И когда мы принимаем в расчет представление русского офицера в третьей главе, можно хорошо понять его намерение. В третьей главе пьяный офицер объясняет повествователю, что такое просвещение и цивилизация:

– <...> Ну, так начнем, как я уже говорил давеча, с того, что страна ваша непросвещенная. Это значит, что она, – как бы это сказать, – темная. Вам понятно?

– Благодарю вас, да!

– Ну, так, когда уж мы начали с того, что страна ваша непросвещенная, надобно вам знать, и что такое просвещение. Я вам это растолкую с помощью примеров. Вообразите себе темную комнату. Вообразили?

– Вообразил.

– Ежели где-нибудь осталось отворенное окно, и его затворите.

– Затворил, – отвечал я, рассмеявшись.

– Превосходно. Когда затворили, то и занавесь опустите.

– Опустил.

– Ну, так значит в комнате совсем темно и ничего не видно. Вдруг снесли свечу, и сделалось светло. То же и просвещение... <...> (ჭავჭავაძე 1937: 253; Чавчабадзе 1987: 337).

Используя метафору свечи, офицер объясняет смысл просвещения, который нелеп (иррационален) для «я» интеллигенции, обучавшегося за границей в университете в России, получившего высшее образование в Петербурге.

В последующем разговоре офицер спрашивает повествователя, сколько генералов служило в Грузии. Повествователь «я» отвечает «может собраться с двадцать» и офицер удивительно говорит: «Двадцать! Слава, однако, православной Русь! Кругом ведь, куда ни ступит, несет цивилизацию» (ჭავჭავაძე 1937: 254; Чавчабадзе 1987: 338). Эти слова означают идеологию «просвещение Кавказа» Российской империи, которая оправдала империалистическое господство. Однако, в первой главе уже открыта и показана отсталость России по сравнению с Западом, и поэтому здесь вышесказанная идеология вызывает сомнение. Встречи с русским ямщиком, офицером и французом в первой и третьей главах показывают иронию к империализму России и его идеологии (ბოჭორძე 2017: 197-208).

В шестой и седьмой главах «я» решается поехать из Степанцминда, встречает местного Мохевца Гуниа, и берет у него лошадь. Спутником здесь является не русский ямщик; то есть, ориентация повествователя «я» или самого автора Чавчабадзе замечается от России к Грузии. Об этом рассказывается в монологе в третьей главе:

Как я встречу свою отчизну, и как встретит меня она? Что нового скажу я отчизне, и что нового скажет она мне?! Быть может, отвернется от меня, как от возвращенного вчуже саженца? Или, может быть, не отвернется, но примет, потому что все-таки я – ее плоть. Но что, если отчизна откроется предо мною и поверит мне боль души, приоткроет укрытую глубоко причину ее, расскажет об отчаянье своем и надежде, а я, отвыкший от ее речи, не пойму обращенного ко мне ею слова?.. «...» Примет, решил я, отчизна меня в свое лоно, примет, потому что я кровь от ее крови и плоть от ее плоти. И я услышу и пойму ее слово, оттого что сын ловит слово отчизны не одним только ухом, но сердцем, оттого, что для сына вопиет и безмолвье отечества. И оно впитает и вберет в себе мое слово, как отец слово сына – своей кровинки (ჭავჭავაძე 1937: 250; Чавчабадзе 1987: 334-335).

Здесь мы замечаем, что обучение в России сравнивается с саженцем («возвращенный вчуже саженец»), отчуждение от Грузии, и «непонимание обращенного ею слова»; то есть, здесь прослеживается намек того, что повествователь «я» был бы русифицирован. Однако, во второй половине вышесказанной цитаты эти опасения решаются, как и «отчизна меня в свое лоно,

примет,» и «впитает и вберет в себе мое слово, как отец слово сына – своей кровинки». Именно такое изменение ориентации и направления, близко к сравнению России к Грузии, показывая через понимание голоса Гуния и его жалобы на бедную жизнь грузинских народов.

Изменение образа путника также составляет интересный контраст между их внешностью и поведением. Мы уже видели «безобразность» русского ямщика; Гуния, напротив, выражен как приятный и вольный горец.

Мой горец стоил того, чтобы взглядеться в него попристальней. Плечистый и рослый, восседал он на некрупной горной лошадке и всю дорогу смешно поспешал на ней волчьей рысью. Мохнатая овчинная шапка то и дело съезжала на лоб и на глаза ему, но он так прочно помещался на широком седле, так безмятежно отдавался всем могучим составом лошадиному ходу, так несуетно дымил своей трубкой, что невольно думалось – столь счастливого существа не сыщешь на всей земле (ჭავჭავაძე 1937: 258; Чавчавадзе 1987: 341)

Такое живое выражение Гуния составляет ясное сопоставление с тем русским ямщиком. Что касается образа ямщика, историк Дж. Рэндольф замечает, что в русской литературе ямщик представляет символ национальной идентичности (Randolph 2007: 50-61), а грузинский литературовед П. Ингороква рассуждает, что представление ямщика в «Записках путника» указывает иронию конкретно к изображению тройки и живого ямщика в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя (ჭავჭავაძე 1932: 712-714). Принимая такие рассуждения, можно добавить, что здесь выражение Гуния опрокидывает представление ямщика в русской литературе, и одновременно проявляет его хорошую сторону.

В разговоре между «я» и Гуния, «я» впервые не мог понять бедность грузинских народов и Гуния смеялся над его словами:

- Места у вас хороши...
- Да, не худы! В самый раз по нашей убогости...
- Воздух счастливый... вода...
- Хм... – усмехнулся мой спутник.
- Ты чему смеешься?
- Смешному смеюсь!.. Пустого брюха ими не насытишь.
- И урожая, должно быть... родятся...
- Отчего бы им не родиться? Места не худы... да малы. Поля – на душу и с две бурки не придется!..
- Дорога эта... большая... выручит.
- Дорога... Она ведь когда хороша? Когда есть что вынести на нее... или вывезти... (ჭავჭავაძე 1937: 258; Чавчавадзе 1987: 341–342).

Как мы уже упомянули, повествователь «я» молодой интеллигент – «те-регдалеули», возвращающийся из России, а Гуния бедный крестьянин, живущий в горах, и его слова, отличительно, написаны диалектом (нами замечено,

что кроме лексики, в разговоре Гуния сделано ударение, которое не пользуется в грузинском правописании). Поэтому, что в первой и третьей главах встречаются люди разных национальностей, то здесь разница в другом, а именно в сословии, состоянии и возрасте в «единственной стране» – в Грузии («теперь все мы, грузины, братья») – говорит Гуния).

Гуния жалуется на разрушение сообщества региона после господства России. Нам интересно обратить внимание на то, что он думает, что «большая дорога» их не выручает и достойна только для тех, кто торгует. Подразумевается, что дорога принесла в горный регион русское правление и денежную экономику. Для Бахтина, рассуждающего о дороге, как некоем символе хронотопа, путь сливает разницы сословий, состояний и т. д.¹ Но символ дороги, как мы заметили, приносит не только пользу, но и вызывает имперская встреча и конфликты. В связи с этим, хочется подчеркнуть, что следуя происходящим событиям на дороге, мы должным образом лишь очиниваем как наблюдатели и высказываем собственную точку зрения, рассуждая над историческим условием.

5. Заключение

В этом веке путешествие через воздушные пространства стало легче, а главное доступнее. Глобализация, благодаря новым открытиям, развилась и в этом безусловно прослеживается польза. Одновременно с этим, воздушными путями, если брать это выражение как аллегорию происходящего сейчас и представляя распространение коронавируса... Когда думаем при условии XIX века, роль, которую «дорога» играла, очень важна и в литературе, и в реалиях нашего мира, в особенности и для русской и грузинской литературы. Не забывая про исторические факты о том, что Российская империя завоевала господство примыкающих территорий и соединила центр с периферией сухопутной дорогой. В этом ключе роль дороги имеет важнейшее значение, даже без настоящего контекста.

Одна из ролей дороги, как и мы уже видели, это «контактная зона», где путешественники, военные, местные жители, люди из разных сословий, вероисповеданий, национальностей, возрастов (физически или культурно) контактировали друг с другом, обращаясь к литературному термину, называя это понятие «хронотопом». Между путевыми заметками «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина и «Мое путешествие» Гр. Орбелиани, направления движения между центром и окраиной были обратны, и за этим можно выявить

¹ Эта точка зрения была высказана на семинаре профессором Тадаши Накамура. Благодарю за это.

в тексте разные (иногда позитивные, но в большинстве случаев негативные) поведения, имевшие в тот момент важный акцент физического или культурного «контакта». Путевая повесть «Записки путника» И. Чавчавадзе – это типичный пример, в котором показана серия встреч с русским ямщиком и офицером, а также французом, и мохевцем Гуния.

С другой же стороны, когда внимание обращается к хронотопам дороги как метафоры жизни, можно отметить то, что путевые заметки Орбелиани выражают некий перекресток, который создают дорога и водораздел. Также как и в произведении Чавчавадзе путевая дорога повествователя «я» из России в Грузию означает жизненную дорогу самого автора.

Передвигаясь по дороге, совершенно разные люди встречают друг друга, принося пользу или нанося вред. Поэтому, империя налаживает и сохраняет дорогу: речь идет о «Военно-грузинской дороге», на котором Пушкин, Орбелиани и Чавчавадзе путешествовали. Таким образом, рассуждая о русской и грузинской литературе XIX века, роль и функция «дороги» является для нас одной из ключевых задач для рассмотрения и анализа.

литература:

- Bakhtin, M. M. *Voprosy Literatury i Estetiki: Issledovania Raznykh Let*. Moskva: izdatel'stvo "khudozhestvennaya literatura", 1975 (Бахтин, М.М. *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. Москва: издательство "художественная литература", 1975).
- Baratashvili, N. *Merani*. Tbilisi: izdatel'stvo "leninets", 1969 (Бараташвили, Н. Мерани. Тбилиси: издательство "leninets", 1969).
- Ch'avch'avadze, Iliia. *Tkhzulebani*, Sruli K'rebuli Khut T'omad. T'. 1. Tbilisi: sakhelmts'po gamomtsemloba, 1937 (ჩავჭავაძე, ილია. *თხზულებანი*, სრული კრებული ხუთ ტომად. ტ. 1. თბილისი: სახელმწიფო გამომცემლობა, 1937).
- Chavchavadze, Il'ia. *Stikhi. Poemy. Povest'. Rassказы*. Tbilisi: izdatel'stvo "merani", 1987 (Чавчавадзе, И.Г. *Стихи. Поэмы. Повесть. Рассказы*. Тбилиси: издательство "мерани", 1987).
- Greanleaf, Monika. *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony*. Stanford: Stanford UP, 1994.
- Layton, Susan. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge UP, 1994.
- Manning, Paul. *Stranger in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteen-Century Imaginaries*, Boston: Academic Studies Press, 2012.
- Merkulova, Irina. *Khronotop Dorogi v Russkoy Proze 1830–1840-kh Godov*. Dissertatsiya na Uchenoy Stepeni Kandidata Filologicheskikh Nauk. mordovskiy gosudarstvenniy pedagogicheskiy institut, 2007 (Меркулова, И.И. *Хронотоп дороги в русской прозе 1830-1840-х годов*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мордовский государственный педагогический институт, 2007).

- Norimatsu, Kyohei. “Problema Granitsy ‘Rossii’ v Kavkazskikh Tekstakh Russkogo Romantizma”. Tam Vnutri: *Praktiki Russkogo Romantizma*. Pod Red. A. Etkinda, D. Uffelmanna i Iliia Kukulina. Tam Vnutri: Praktiki Vnutrennei Kolonizatsii v Kul’turnoj Istorii Rossii. Moscva: izdatel’stvo “novoje literaturnoe obozrenie”, 2012, pp. 284-308 (Норимацу, К. “Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма”. Там внутри: *практики русского романтизма*. Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна и Илья Кукулина. Москва: издательство “новое литературное обозрение”, 2012. С. 284-308).
- Orbeliani, Grigol. *Ertt’omeuli*. Tbilisi: gamomtsemloba “p’alit’ra L”, 2013 (ორბელიანი, გრიგოლ. *ერთტომეული*. თბილისი: გამომცემლობა „პალიტრა L“, 2013).
- Pratt, Mary Louise. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*, 2nd Ed. NY and London: Routledge, 2008.
- Pushkin, A. S. *Polnoe Sobranie Sochinenij v Desiati Tomakh*: Tom 6. Leningrad: izdatel’stvo “nauka”, 1978 (Пушкин, А.С. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Т. 6. Ленинград: издательство “наука”, 1978).
- Randolph, John. “The Singing Coachman or, The Road and Russia’s Ethnographic Invention in Early Modern Times”, *Journal of Early Modern History*, 11. 1-2, 2007, 33-61.
- Sotome, Hayate. “Mgzavris Ts’erilebis’ P’arodia da Ironia P’ost’k’olonialuri Tvalsazrisit”. *Sjani*, 18, 2017 (სოტომე, ჰაიატე, „მგზავრის წერილების“ პაროდია და ირონია პოსტკოლონიური თვალსაზრისით“, *სჯანი*, 18, თსუ გამომცემლობა, 2017).
- Ussen, Botagoz. “Writing Russia, Building Empire: Pushkin’s Journey to Erzurum”, *Renixa*, 10(1), 2020, pp. 94-112.

Hayate Sotome (Japan)

Road and Contact: Chronotope of the Road in A. Pushkin’s, G. Orbeliani’s and I. Chavchavadze’s Travel Accounts

Summary

Key words: Chronotope, Road, A. Pushkin, G.Orbeliani, I. Chavchavadze.

In 1829, Alexander Pushkin traveled around the South Caucasus before he wrote “A Journey to Erzurum.” He noted in this text that he had left Erzurum and returned to Russia early because he feared the plague. Two years after Pushkin’s journey, Georgian poet G. Orbeliani detailed his travel to Russia in his own diary, “My travel from Tbilisi to Peterburg”, describing a Russian “soldier” who was afraid of “plague and cholera,” meeting him with a somewhat discriminatory attitude in Ekaterinograd quarantine.

M. Bakhtin wrote in “Forms of Time and of Chronotope in the Novel” that the “road” in the novel represented a contact zone where socially, economically, ethnically, religiously, or generationally divergent people would occasionally meet. It can therefore be asserted that travel writing creates certain (e.g., Orientalist) images of the “other.” Also, the scholar points out the function of road as metaphor of life, which is clearly observed in Orbeliani’s diary that crossing the border from Georgia to Russia means a turning point for his life that he may never get back to his homeland.

Bakhtin’s study serves as a reminder of other texts, for instance, Georgian writer I. Ch’avch’avadze’s “The Letters of a Traveler.” “I,” the narrator of this work, is an intellectual educated in Russia who encounters a local Mokhevian named Lelt Ghunia on the road. If contact is a principal cause of infection, Pushkin’s and Orbeliani’s examples elucidate that the road precisely denotes the contact zone in the Georgian literature of the 19th-century and earlier eras.

The means of human mobility in modern times are no longer restricted to the road. People can now travel through the air, which has quite rapidly spread the COVID-19 pandemic worldwide. Notably, unlike the European countries, the Russian Empire did not hold overseas colonies; instead, it occupied contiguous lands and then connected the center and peripheries of the Empire with roads. Hence, the road is profoundly and vastly significant to discussions of 19th-century Georgian and other literature(s), especially within the expanses of the Russian Empire, and not only in the context of pandemics.

ჰაიატე სოტომე (იაპონია)

გზა და კონტაქტი:
გზის ქრონოტოპი ა. პუშკინის, გრ. ორბელიანისა
და ი. ჭავჭავაძის სამოგზაურო დღიურებში

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: ქრონოტოპი, გზა, ა.პუშკინი, გრ.ორბელიანი, ი. ჭავჭავაძე.

1829 წელს ა. პუშკინმა ამიერკავკასიაში იმოგზაურა და მოგვიანებით „მოგზაურობა ერზრუმში“ დაწერა. თხზულებაში ის აღნიშნავს, რომ ჭირის საშიშროების გამო ერზრუმი მალე დატოვა და რუსეთში დაბრუნდა. პუშკინის ამ მოგზაურობიდან ორი წლის შემდეგ, რუსეთში მგზავრობის დეტალები გრ. ორბელიანმა თავის დღიურში აღწერა („მგზავრობა ჩე-

მი ტფილისიდან პეტერბურლამდის“), რომელშიც ვკითხულობთ, რომ ეკატერინოგრადის კარანტინში „ქოლერიტა და ჭირით“ შეშინებული რუსი „სალდათი“ ორბელიანს ერთგვარი დისკრიმინაციული განწყობით შეხვდა.

მ. ბახტინი ნაშრომში „დროისა და ქრონოტოპოსის ფორმები რომანში“ წერს, რომ რომანებში „გზა“ „საკონტაქტო ზონაა“, რომელშიც საზოგადოების სოციალურად, ეკონომიკურად, ეთნიკურად, რელიგიურად თუ ასაკობრივად განსხვავებული ადამიანები ერთმანეთს შემთხვევით ხვდებიან. აქედან გამომდინარე, შეიძლება ითქვას, რომ სამოგზაურო ჟანრის ლიტერატურა „სხვების“ (უცხოების) გარკვეულ (მაგალითად, ორიენტალისტურ) სახეს ქმნის. ასევე, მკვლევარი მიგვითითებს გზის, როგორც ცხოვრების მეტაფორის, ფუნქციაზე. მაგალითად, ორბელიანის დღიურში აშკარად ვხედავთ, რომ საზღვრის გადაკვეთა ავტორისთვის ცხოვრების გადამწყვეტი წერტილი და საკვანძო მომენტია, რადგან შეიძლება ვეღარ დაბრუნებდეს სამშობლოში.

ბახტინის სიტყვები გვახსენებს იმასაც, რომ მაგალითად, ი. ჭავჭავაძის „მგზავრის წერილებში“ რუსეთში განათლებამიღებული ინტელიგენტი, მთხრობელი „მე“, ადგილობრივ მოხვევს, ლელთ ლუნიას „გზაზე“ ხვდება. გამოდის, თუ გარკვეულ პერიოდში კონტაქტი ინფექციის გავრცელების ერთ-ერთი მთავარი მიზეზია, პუშკინისა და ორბელიანის მაგალითები გვიყვება, რომ მე-19 საუკუნის (და მანამდე) ქართულ რეალობაში გზა – საკონტაქტო ზონაა.

დღეს ხალხთა მიმოსვლა სახმელეთო გზით არ იზღუდება. ვმოგზაურობთ საჰაერო გზითაც, რამაც კოვიდ-პანდემია უსწრაფესად გავრცელა მთელ მსოფლიოში. უნდა აღინიშნოს, რომ, რუსეთის იმპერიას, დასავლეთ ევროპის ქვეყნებისგან განსხვავებით, ზღვის იქით კი არ ჰქონდა კოლონიები, მან მეზობელი ერები დაიპყრო და შემდეგ იმპერიის ცენტრი და პერიფერია სწორედ გზით დააკავშირა. ამიტომაც, როდესაც მე-19 საუკუნის ქართულსა და იმ ერების ლიტერატურას მიმოვიხილავთ, რომლებიც რუსეთის იმპერიის ფარგლებში იყვნენ, გზის მნიშვნელობა ძალიან ფართო და დიდია და, რა თქმა უნდა, არა მხოლოდ პანდემიის კონტექსტში.